
Апрель. За воротами сухо,
Накатан разъезженный путь,
И ветер щенком вислоухим
Старается в щёку лизнуть.

Ручьёв непрерывные речи
Сбиваются в зарослях ив,
И, вспыхнув, берёзки под вечер
Купаться бегут на разлив.

Ты помнишь? На сердце услада,
Мир чист, целомудренно наг.
Синица звенит ли, прохлада?
Иль серьги в ольховых кустах

О, как же легко и привольно
Бродить, синевою дыша,
Где соком берёз белоствольных
Врачует потери душа.

Маме

Вечер на окне задвинул шторы,
Сад уснул, дыханье затая.
Ты сегодня дел свернула горы,
Труженица вечная моя.

Дай свои морщинистые руки,
Их за всё хочу расцеловать.
Прикоснусь — и колыбельной звуки
Мне припоминаются опять.

Руки мамы пахнут земляникой -
В лес ходили мы за ней вдвоём,
Пахнут спелой вишней и гвоздикой,
Первым летним проливным дождём.

Этот запах сразу я узнаю,
Хоть глаза мне завяжи платком.
Я, конечно, тут же отгадаю:
Пахнет мама так да отчий дом.

Далеко осталось в прошлом детство,
Но его забыть я не смогла.
ароматы эти, как наследство,
Ты мне с молоком передала.

А когда приедет в гости дочка
И с порога кинется ко мне,
Я украдкой утрусь платочком,

О тебе поплачу в тишине.

В небе плыли белые барашки,
И горел под пятками песок,
И шептались в мареве ромашки,
И дышал малиной туюсок.

Пробираясь в зарослях лещины,
Мы спугнули сонную сову.
И за нами леший вдоль лощины
Долго бегал и кричал: «Ау!»

... Воробьи забились под застреху,
И мороз посеребрил траву.
То ли ветер, то ль из леса эхо
До зари звало меня: «Ау!»

В старом заросшем саду бабки Ньюши
Белый душистый налив,
Пёс, вечно спящий, ставенки в рюшах,
Сизый, как ночь, чернослив.

Маков головки, под грушею печка,
Мурзик, известный шельмец,
Красный линялый петух над крылечком,
Хриплый дразнилка скворец.

Память голубкою вьётся над хатой
Будто сейчас, наяву.
С выводком поздним пестушка-хохлатка,
Хруст кочанов к Покрову.

Саночек липовых с Мишкиной горки
Снегом припудренный след.
Сны быстротечные, детства осколки,
Вечно спешащий рассвет.

Грай весенний, в разливе апрель,
Ива косы плетёт у порога.
По-сырому эскиз — акварель,
В лужах двор и в размывах дорога.

Гладит ветер чуть тёплой рукой
Стог осевший с парною мякиной,
А за рябой Кромкою-рекой
Брызжут звонкою синью осины.
И светло в закоулках души,
И безоблачны дальние дали,
Может быть, оттого, что в тиши

Журавли на заре пролетали.

Дичка

Может, полдничали на покосах,
Может, пролетая как-то, птица
Обронила семечко на росстань,
И дичок на взгорке приютился.

Устремилась груша в поднебесье.
Знал и стар, и мал в округе нашей,
Что у трёх дорог за дальним лесом
Дичка повкуснее настоящей.

Бабы с ней не ведали заботы,
Лишь поспеет, и — айда по груши!
И варенье в зиму, и компоты,
Да и лекарь первоклассный — сушка.

Выдалась зима на редкость злая,
Холода за тридцать, до упора.
Ни цветочка, ни листочка в мае,
Нарубили дров из дички гору.

По кормилице запричитали,
Но пробились в то же год росточки.
Мужики за честь всегда считали
Выходить от этой дички дочку.

Друзьям детства

Играет галькою ручей,
Как мальчик в камушки играет.
В короне солнечных лучей
Восток лениво догорает.

Иду сквозь память босиком
По свежескошенному лугу,
Здесь каждый кустик мне знаком.
Картинки детства друг за другом.

Звенит литовка под горой
О чём-то прошлом, добром, старом,
Ей вторит дикий сонный рой
На вишне спелой за амбаром.

До каждой дырочки родной,
Забор в заплатках как в обновках.
Мы в летний дождик проливной
Пускали лодки на задворках.

Разъехались давным-давно,
За тридевять земель осели.
Жасмин разросся под окном,

Остались кольца от качелей.

Едва слышны распевки петушиные,
В горошек небо, над ручьём слега,
Петляет донником тропа низинная,
И сеном дышат поздние луга.

С годами в памяти сотрётся многое,
Но как смогу забыть я эту ночь,
Тебя, стога, то лето босоногое
И счастье в звёздный августовский дождь?

Жёлтый ручей

Словно за лето сгоревшие свечи,
Спят камыши над продрогшею речкой.

Синяя-синяя гладь на пруду
В омуте синюю прячет звезду.

А под горою у старых ключей
Жёлтый-прежёлтый несётся ручей.

В нём с петухов до вечерней зари
Галькой играют мальки-пескари.

Здесь даже ночью всегда, между прочим,
Тёплый-претёплый янтарный песочек.

Мяч, и костёр, и шалаш по соседству,
Жёлтый ручей словно капелька детства.

Заманилка для весны

Прости-прощай, зима седая,
И саван белый не мети.
Весна, девчонка молодая,
Скорее ласточкой лети!

На бал явись лесной царицей,
Пусть ветер тёплый шлейф несёт.
И первый гром, и с ним зарницы
Ознаменуют твой приход.

Цветами сыпь под старой елью,
За гнёзда спорят пусть грачи.
Наполни воздух птичьей трелью,
На волю отпусти ручьи!

Жужжи над ивою у речки,
Черёмухой в саду пари,
Каштаном вспыхни, словно свечка,

Ночь напролёт для всех гори!

Запахнет подсолнечным летом,
И влагою мшистых дубрав,
И свежую ранью рассвета,
И спелым цветением трав.

Колючим кустом придорожным
Затеплится дымная даль.
Колёса промчавшихся дрожек
Рассыплют росистый хрусталь.

И запах церковный полыни,
И пробная робкая трель,
И небо умоется синью,
И брызнет в луга акварель.

Заскучал журавель у колодца,
Провожая последний косяк.
Полинялые лучики солнца
По веранде стеклянной скользят.

Серебром тополя отзвенели
И укрыли ковром огород.
Скоро-скоро нагрянут метели,
Закружат над селом хоровод.

Почернеет бурьян придорожный.
Занесёт, закружит, заметёт.
Пробираясь у хат осторожно,
Почтальон первопутком пройдёт.

Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О, край июньских сенокосов,
И синь прудов, и тишина.

Вишняк за тыном полудикий,
Горой сосновые дрова,
Пучки сушёной костяники,
Иван-да марья, трын-трава,

Далёкий скрип телеги в поле
И вновь — анисовый покой.
Здесь всё идёт по Божьей воле,
До неба здесь достать рукой.

Толпой бегут под горку сливы,
И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый,

Дед спорит с кем-то за избой.

Пройдя тернистые дороги,
Босая, по своим грехам
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.

Летом в соснах прохлада тенистая,
Дух густой да смолистая тишь,
И маслята во мху золотистые,
И шумит на болотце камыш.

В полдень папоротники-отшельники
Прячут листья свои от жары.
Сторожат муравьи муравейники -
Входы в тайну, в иные миры.

Молодняк... Хвоя нежная-нежная.
Посижу, отдохну-ка на пне.
Объедая грибок подвалежника,
Проползает улитка во сне.

Мухоморы, ребята вихрастые,
Чётким строем идут на парад,
Нарядились в мундирчики красные
И несчитанных пуговок ряд.

Мир лесной для кого-то особенный,
Для меня каждый кустик — родной.
Я росла и тянулась за соснами,
Запах леса повсюду со мной.

Лунной ночью

Выйду лунною ночью из дома,
Бледный свет озаряет поля.
Как гравюра из старого тома,
За плетнями в снегу тополя.

Тихо-тихо в деревне, и слышно:
«Хрум» да «хрум» под ногами снега,
Дремлют хаты, ушанками крыши,
И в тулупах овчинных стога.

Спит деревня под снежным убором,
Спит-сопит на печи ребятня.
Тявкнул пёс у соседей, и скоро
Дым завьётся кольцом у плетня.

Заскрипит журавель на колодце,
Обивая ведёрками лёд,
И в сарае петух встрепенётся

И простуженно вдруг запоёт.

И проснутся дремавшие чувства,
И с мороза прижаться к тебе
Так захочется вдруг! И так грустно
Станет мне в опустевшей избе.

Маврик

Родился у коровы нашей
Бычок по кличке Чёрный Мавр.
Хвостом от мух, как веткой, машет
И скачет, голову задрал.

Торчат из-под колечек рожки,
смешно бодает маму в бок.
На ножках — белые сапожки,
И чёлка — крупный завиток.

Вчера в ромашках заблудился,
Пошёл на луг за огород.
Там долго бегал и резвился,
Скакал по травке взад-вперёд.

Стемнело. Дома нет телёнка,
Мамаша у калитки ждёт:
«Что делать с таким ребёнком?»
А он один в кустах ревёт.

Майская ночь

Такая тишина среди лугов,
Лишь фыркание коней в тумане,
Да изредка распевки петухов,
Да Лёшка пилит на баяне.

Ерошит ветер ласковой рукой
Черёмуху над крышею сарая.
Светло как днём! И на душе покой.
Ах, что за ночи и рассветы в мае!

Маняшка

Из алого клевера, сныти да кашки
Венок у соседской девчушки Маняшки.

Щебечет с утра легкокрылая пташка,
Сандалики сбиты, в оборках рубашка.

Румянные щёчки, веснушек пяток,
И кудри льняные, и нимбом венок.

С картавинкой лёгкой смешной говорок,
На бантиках-крыльях летит ангелок.

В кармане богатство — ракушки, стекляшки,
Под мышкою кошку таскает Пятнашку.

И день её розовым цветом окрашен,
Весь мир для неё, оступаться не страшно.

Ах, мне б её крылья хотя б на часок!
Забуть этот мир, что бывает жесток.

Где гаснет уже за спиною восток,
Где в жизни всему предначертан свой срок.

Матушка Метелица
Выбила перину.
Снег коврами стелется
Через всю долину.

Падает на варежки,
Лёгкий, невесомый.
Я спешу на шанежки,
Путь давно знакомый.

На пельмени русские,
Плюшки-расстегайки,
Голубцы капустные
И на веник в баньке.

Мелькает, летит, ускользает!
И в дымке зелёной кусты,
И дождика поступь косая
Смывает былого следы.

Их жаль мне порою до боли,
Но прошлого не удержать,
Когда жаворонок над полем
Взмывает опять и опять.

И что-то зовёт и тревожит,
И дышит прохладой в лицо,
И спать от капелей не может,
и вербой стучится в крыльцо.

Мимо посадок дорога,
Рябь от кукушкиных слёз.
Зелень вдоль горки отлогой,
Сосны меж рыжих берёз.

Родина! Тихое поле
В дымке закатного дня,

Светлой пронзительной болью
Сердце щемит у меня.

Ситцем затянуто небо,
Простенький сельский пейзаж
Зёрнышком спелого хлеба,
Каждой былинкою наш.

Мне б вернуться обратно на родину,
Где над крышею вьются стрижи,
Где журавль у замшелой колодины
Поутру от прохлады дрожит.

Моя милая, славная, нежная,
Лучик солнышка в сумраке дня,
Ты полями своими безбрежными
В юность давнюю манишь меня.

Как живётся тебе, моя милая,
Память предков сквозь слёзы храня?
Покосились кресты над могилами,
Колокольни давно не звонят.

По тебе ли, моя даль-сторонушка,
Панихида — то дождик, то снег?
Конопелинкой, маковым зёрнышком
Ты мне снишься в наш горестный век.

На родине

Часок по трассе от Орла -
И замелькают наши крыши.
Река в осоке у села,
Горстями цвет роняют вишни.

О, среднерусская земля!
Мой отчий край — твоя верхушка.
В подшалках избы вдоль плетня,
На взгорке ветхая церквушка.

За окоём бегут века,
Орловщина — Руси глубинка!
Всё тот же шёпот ручейка
И к храму в лютиках тропинка.

У стариков и у старух
Алтарные святые лики,
И жив ещё бессмертный дух
Руси могучей и великой.

Ни души за пять вёрст не увидишь порой,
Степь, луга да сенные овины.

Только в кашках кузнечик звенит под горой,
Заблудился табун у лощины.

А ещё — эти сосны, раскидистый бор,
Этот дятел на самой верхушке,
Куча шишек под ним, земляничный ковёр,
На поляне две груши-дикушки.

И бурлит ледяной из-под камушек ключ,
Растекаясь в глухие затоны:
Сквозь туман пробиваясь, невидимый луч
Золотит на орешнике кроны.

Вот и старый знакомый, в плешивинах пень.
-Что ж забыла, приходишь так редко?
Потемнеет душа, будто бабкин плетень,
Ты почаще бывай у нас, детка.

О, кто же , о кто же на спицах
Связал вологодский наряд?
Щебечут на клёнах синицы,
В берёзовом кружеве март.

Промчались шальные метели,
Закончилось время тревог,
Стучат каблучками капли
Всю ночь о дощатый порог.

И пляшут чечётку по лужам
Босые подростки — дожди,
А ветер, наверно, простужен,
Чихает, хрипит и свистит.

Распахнуты окна и двери,
Пусть дом окропится весной.
Я верю и будто не верю:
Ты рядом и счастлив со мной.

Осенним внутренним покоем
Объяты поле и река.
Прикрывшись козырьком-рукою,
Смотрю, как тают облака.

Мелькает в предвечернем небе
Клин запоздалых журавлей .
Обоз ползёт с последним хлебом,
Мякиной тянет с коноплей.

Меж кочек в торфяном болоте
С осокой шепчется камыш.

То всхлипнет кто-то у колдобин,
То-никого... Глухая тишь.

И ничего душе не надо,
Лишь видеть, как ползёт заря
По краю Сидорова сада
В листве шершавой сентября.

И через изгородь соседки
Срывать, как в детские года,
Румянощёкие ранетки...
А коль заметят — не беда!

Пройтись деревнею на ощупь -
Ни голоса, ни огонька -
И напугаться вздохов рощи,
как в детстве — деда Лешака.

Покинут воробьи застреху
И разгорланятся грачи,
Лишь только брызнут из-под снега
Апреля шумные ручьи.

И ты поймёшь то нетерпенье
И тёплых дней, и первых гроз,
И почек пухлых напряженье,
И спешность зелени у лоз.

С минутой каждой набирает
Весна неудержимый бег.
Ещё в оврагах снег не тает,
А на дорогах скрип телег.

И саженцев у школы горка.
В медалях, празднично одеты,
Два местных деда, Пётр и Фока,
С детьми сажают парк Победы.

Прокололи ёлки небо — не зашьёшь,
Сыплет манка через дырочки небес.
Снег за валенки — утонешь, не пройдёшь.
Никого зима не пустит нынче в лес.

А по улице метелица снуёт
Об руку с морозом вдоль дорог,
Намела сугроб огромный у ворот,
Коврик белый постелила на порог.

Завалило двор, и крышу, и дрова...
И уже почти по пояс рыхлый снег.
Но сугробы для мальчишек — трын-трава,
И звенит на всю округу детский смех.

Пчёлки

Лишь пригреет солнышко лучистое
И уйдут на север спать снега,
Брызнет краска рыже-золотистая,
Обольёт пригорки и луга.

Меж осинок выйдут по опушкам
Первые подснежники в лесу.
И вещунья добрая, кукушка,
Отхлебнёт из венчика росу.

А на пасеке в саду под клёнами
Выскользнет жужжащая пчела.
После спячки кажутся зелёными
Два прозрачных тоненьких крыла.

Первая отправится в разведку
В лес, и в поле, и в соседский сад.
Отдохнуть усядется на ветку
И скорей отправится назад.

Срочно надо рассказать подружкам,
Что уже баранчики цветут,
Пахнет мёдом жёлтая опушка,
В кипени весенней вишни ждут.

Манит в рощу чудо-медуница,
И от вербы кругом голова.
Так наголодались — не сидится!
Ну, держись, душистая трава!

Ранний час. Предутренний покой.
Спит село, ему так сладко спится!
Низко облако - достать рукой -
Белые и розовые птицы.

А напротив огоньки зажглись.
Вспыхнул крестик на часовенке сусальный.
«Полвосьмого! Слышишь, торопись!» -
Кипятится чайник - кухонный начальник.

В форточку вышмыгивает кот,
Во дворе снежки швыряет ветер,
У колодца кто-то рубит лёд.
Гомонят на школьной горке дети.

Пыжится воробышком февраль,
Стог подъелся, и сосульки с крыши.
И полынью терпкой пахнет даль,
И к полудню март у вязов слышен.

Вот и хорошо! Идёт весна!
Узнаю повсюду эти звуки.
Мир устал от холода и сна.
По земле истосковались руки.

Сквозь голые ветки раки
Горит на морозе закат,
И корочка наста блестит,
И тени густые лежат.

Деревня уснула в снегу,
И месяц гуляет над ней -
Овины пасёт на лугу,
Сквозь льдинки глядится в ручей.

Хрустят по ногами снега.
Вдоль речки — накатанный след.
Родные мои берега!
Сквозь годы немеркнувший свет!

Спелый вечер

Нынче вечер безоблачный, синий,
Мёдом спелым плеснула заря
В перелесок, в дрожащий осинник
И горит в хохолке сизаря.

Дух созревших владимирских вишен
Да жужжание пчёл у крыльца.
Сквозь окно растворённое вижу
С дымарём у колодин отца.

Золотисто-янтарные соты
На веранду для пробы несёт.
Кудри светлые — может быть, годы.
Может, липовый выкрасил мёд.

Степь, три сосны и — брызгами цикорий,
Просёлок раскалился добела.
Простор какой! Хлебов созревших море,
И лишь свистят, свистят перепела.

Который час, куда бреду — не знаю,
Мне б только слушать этот свист в тиши
По краю ржи и по родному краю,
И нет важнее дела для души.

И чудятся напевы пасторали,
И далеко слышны колокола.
И небо родины, и в дымке дали,
И где-то там во ржи перепела.

Сыну

Словно белые барашки,
С косогора вдоль плетней
Убежали утром кашки
Умываться на ручей.

Глиняной спешат дорогой
Выпить чистой глубины
И бегут горой пологой.
Долго издали видны.

Подую корову нашу,
Земляники прихвачу,
Заварю из кашки кашу,
Накормить тебя хочу!

И лесами, и лугами,
И пахучими цветами,
И водичкою запей -
Рядом катится ручей.

Три года, кажется, как нет соседа.
И вроде неприметный был мужик:
Со всем селом — и радости, и беды,
И выпить мог по русски, от души.

Он за родную землю пешим строем
Солдатом до Берлина отмахал.
Расспросов не любил, не слыл героем,
Но землю, что сберёг, всю жизнь пахал.

Детей растил, потом опять же — внуки.
Не помнил дня без тягот и забот.
«Из нашенских, горят в работе руки!» -
Ценил соседа на селе народ.

И по сей день на речке нашей мостик -
Берёзовые длинные жердинки.
А кто идёт: «Спасибо деду Косте!»
Такие вот народные поминки.

Я не скопила в сундуках богатства,
И бриллианты в сейфах не горят,
Ноя владею тридевятым царством -
Найди попробуй, кто, как я богат!

Я дорожу, как сказочной жар-птицей,
Рябиною у дедова крыльца.
Гречишным полем, хутором, криницей,
Где через край плеснулись небеса.

А по ночам я звёзды собираю,
На дно колодца сыплю под окном.
И солнце из сарая выпускаю
И на закате прячу за гумном.

Люблю церквей к вечеру перезвоны,
Нагретый за день у ручья песок
И тополей серебряные кроны,
И утром Гришки-пастуха рожок.

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!